

Дмитрий Сарабьянов (1923–2013)

Двери в бесконечность

«**М**не никогда не приходило в голову считать себя поэтом. У меня другая профессия — я искусствовед, историк искусства». Такими словами начинается предисловие Дмитрия Сарабьянова к его второй поэтической книжке «Стихотворения последних лет» (2007).

«У меня нет судьбы, таящей поэтическое предназначение. При этом меня вполне устраивает итог моей биографии...» И дальше — о любимой жене, о сыновьях, внуках и правнуках. «Такой итог вряд ли показался желанным кому-либо из поэтов Нового времени и скорее чреват ветхозаветными ассоциациями...»

Выписывая эти слова, я, мне кажется, слышу его неторопливый голос. Какое счастье, что живой, и впрямь «ветхозаветный» облик это великого человека и ученого успели запечатлеть историки и кинематографисты: за несколько лет до кончины Дмитрий Владимирович снялся в документальном фильме, посвященном художнику Роберту Фальку, поучаствовал вместе с женой, искусствоведом Еленой Борисовной Муриной, в видеопроекте Фонда «Устная история».

О том, как и когда он пришел к вере, я не знаю. Мог бы спросить во время наших редких встреч, но постеснялся. А вот о том, что его с детства привлекало сочинительство, Сарабьянов простодушно и сдержанно рассказал во вступлении к той же книжке.

...Откликаясь в 2003 году на кончину своей коллеги, искусствоведа и литератора Нины Александровны Дмитриевой, он назвал ее «эталонем честности, неподкупности, бескомпромиссности суждений, безупречного вкуса, остроты и красоты мысли, талантливости истолкования». Эти слова полностью применимы и к нему самому.

Последний раз мы виделись, кажется, в 2010 году. Я уносил в тонкой папке несколько листочков с его новыми стихотворениями. Во дворе присел на лавку, начал читать. Это были стихи о поэзии, о родных и друзьях, об исчезающей на его глазах старой Москве, о любимой деревне Алексино, о беспощадном и справедливом времени.

И, конечно — о самом главном, что непрерывно переживалось и проживалось кротким, благородным, верующим сердцем этого подлинного рыцаря нашего искусства. **Ф.**

Павел Крючков,
заместитель главного редактора журнала «Новый мир»
Рисунок **Наталии Кондратовой**

* * *

Храм замирает перед херувимской,
Как будто вся Москва, а с ней и я,
Склоняется главою третье-римской
Пред самой главной тайной бытия —

В предчувствии Божественного света
И слов заветных, что сказал Спаситель:
Примите, пейте кровь мою. Ядите,
Ядите тело Нового Завета.

И все преображается внезапно,
И пыль блестит как россыпь золотая,
И мир раскрыт, и горизонт не замкнут,
И уплывает мрак, в пространстве тая.

И возгорается огонь в лампадах,
И голос бархатный летит под своды.
Остановись, мгновение. Не надо
Другого бытия, другой свободы.

Не сравнивай намеренья благие,
Дела людские с благодатью Божьей,
Возрадуйся, хотя и ты ничтожен
Пред животворным чудом литургии.

Август–сентябрь 2005

* * *

Прощенья не прося у Бога.
Непокаянием грешна,
И в красоте своей убога,
И в немоте своей страшна.

Торчишь, как каменная баба
На евразийском пустыре,
Как утрашенье, как забава,
Как тайный знак в двойной игре.

Но Ты, Прощающий, прости ей —
Терпевшей войны и вождей —
Непросыхающей России —
От слез, от водки и дождей.

16–17 августа 1998

* * *

Исповедался... Покаялся... Куда денешься,
Если каждый день маешься, а молиться ленишься.

Напридумывал грехов баснословное количество —
От писания стихов до истления личности.

И лишь понял потом, что неправильно
все это вычислил.
Речь идет не о том. Дело здесь не в количестве.

И не в том, что желанья мои не угасли
в бесплодном борении.
Грех — в бессмысленном слове, в пустом
потакании времени.

Июнь 2000

* * *

В темный час декабрьского удушья
Освяти, Господь, и эту стынь,
Заодно помилуй нас заблудших,
Не оставь в потемках — не покинь.

Допусти Ты нас к себе поближе,
Дай душе понежиться в лучах
Твоего огня, просохнуть, выжить
И не превратиться в сор и прах,

Просьбами недопустимой меры —
Думаю — Тебя не оскорблю:
Сохрани меня в согласье с верой —
Верую, надеюсь и люблю.

И тогда не страшен час ухода
Из родного отчего гнезда.
Старость, стынь и эта непогода
Не помеха на пути туда,

Где царит таинственная вечность,
Невозможен поворот судьбы,
Где открыты двери в бесконечность,
До которой пять минут ходьбы.

Декабрь 2005 — январь 2006

* * *

Уже потушен свет в передней,
И пала тень.
Ночь тоже может быть последней —
Не только день.

Блуждай по закоулкам млечным,
Не оступись.
Смерть тоже может быть беспечной,
Не только жизнь.

Декабрь 2004

* * *

Уста, уставшие от долгой речи,
С листа читавшие молитвы. Свечи
Как символ вековечного горенья
Непрекращающегося творенья...

Стою поодаль, не тревожа прочих.
(Я быть хочу последним среди них.)
И с глаз Твоих я не спускаю очи,
И взором к голове Твоей приник.

Люблю Твой лик у царских врат придела,
Где плат послушно тянется к углам,
Где золото на нимбе поредело,
А кожа щек и лба еще смугла.

Я прихожу сюда как на экзамен.
Быть может, это старости синдром?
Моя нужда — держать перед глазами
Твой взгляд, испепеляющий добром.

Июль 2003

